

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ИНДИИ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Памяти
В. С. Воробьева-Десятовского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

**37И
П78**

**Ответственные редакторы
Г.А. Зограф, В.Н. Топоров**

Сборник посвящен памяти безвременно скончавшегося талантливого индолога В.С. Воробьева-Десятовского (1927–1956). Статьи освещают различные аспекты истории индийской культуры и индоарийского языкознания.

**П 0061-2004 244-73
042(02)-74**

**© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1974**

Г.А. Зограф

ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА В "ШЛОКАХ" КАБИРА

(Ādigraṅtha, Saḷōka bhagata Kabīra jīu kē)

0.1. Глагольное словоизменение средневекового хинди достаточно полно (с точки зрения инвентаря форм) рассмотрено в трудах Келлога, Дх. Вармы и Б. Саксены¹, а также в грамматических очерках, сопровождающих отдельные издания текстов. Средневековое глагольное словоизменение хинди, диалектное по своему существу, отличается от современного стандартно-литературного свободным варьированием некоторых словоизменятельных аффиксов (т.е. существованием материально различающихся, но функционально равнозначных форм, выбор которых грамматически не мотивирован). Это вместе с функциональной многозначностью отдельных форм (ее можно квалифицировать как грамматическую омонимию) создает впечатление усложненности и нечеткости словоизменятельной схемы. В этой связи небезынтересно проследить характер системных взаимоотношений глагольных форм внутри отдельных средневековых текстов, обращая внимание не только на качественный (функциональный), но и на количественный (статистический) аспект таких отношений.

0.2. Непосредственным объектом первого опыта подобного исследования взяты "шлоки" (saḷōka) Кабира (XV в.), включенные в

¹ S. H. Kellogg, A Grammar of the Hindi Language, London, 1938 (ниже – Kellogg); Dh. Varma, La langue braj, Paris, 1935 (ниже – Varma); B. Saxena, Evolution of Avadhi, Allahabad, 1937. Языку "Адигрантх" посвящена специальная работа: Sāhib Singh, Gurbānī viākaran, dījī vār, Amritsar, 1951 (ниже – S. Singh).

священное писание сикхов "Адигрантх". Канонический характер последнего (расхождения в доступных рукописях и изданиях носят по преимуществу орфографический характер) гарантирует неизменность включенных в него произведений, по крайней мере со времени его составления (1604 г.). С этой точки зрения представляется допустимым рассматривать имеющиеся здесь "шлоки" Кабира как целостный текст (или его самостоятельный раздел). Мы вправе ожидать от них относительно высокой (в сравнении с другими текстами, имеющими хождение под именем Кабира) степени аутентичности. Во всяком случае, достоинством данного текста как объекта лингвистического исследования является точное знание времени (1604 г.) и места (Панджаб) фиксации его в нынешнем виде. К числу определенных недостатков следует отнести его структуру: "шлоки", которым по форме соответствуют "сакхи" (*sākhi* "свидетельство") других сборников изречений Кабира, представляют собой афоризмы-двустипия типа "дохв"². Логическая завершенность и отсутствие прямой связи с соседними у большинства из них лишают исследователя возможности уточнять лексическое и грамматическое значение словоформ по широкому контексту. Требования метрики служат одной из причин варьирования форм, вызывая количественные чередования гласных (i/ī, u/ū, aī/aī̄ и др.). Здесь, правда, нужно отметить, что для рассматриваемого текста весьма характерны отступления от строгой метрической схемы. Они наблюдаются примерно в 40% "шлок", причем сюда не включены регулярные несоответствия, которые можно назвать орфографическими и которые легко устраняются фонетически допустимыми заменами типа: i → u, ī → i/īy, ū → u/uv. Когда дело не касается конечных слогов стопы, метрически наиболее важных, редакторы "Адигрантх" отдают предпочтение орфографической последовательности в ущерб метрической правильности.

0.3. Используемая ниже транслитерация³ языкового материала воспроизводит написания стандартных рыночных изданий "Адигрантх" в графике гурмукхи. Эти издания опираются на панджабскую орфографическую традицию, которая заметно отличается от орфографической традиции хинди. Поэтому представляется целесообразным охарактеризовать те орфографические особенности нашего подлинника, которые,

² Каждый стих состоит из двух полустипий (*caṛāṇa*), содержащих первое I3, а второе II метрических единиц (группируются: 6+4+3, 6+4+1) и разделяемых паузой.

³ Общепринятая в индологии латинская транслитерация. Графема дифтонга *ai* передается сочетанием двух знаков с соединительной лункой сверху – *aī*. Симметричная ей графема *au* (*āu*) в данном тексте ни разу не встретилась, таким образом, *au* всюду ниже передает сочетание двух графем, второй из которых является *u*.

отличая его от публикаций Кабира в графике деванагари, существенны для интерпретации глагольных форм.

0.3.1. Превокальный *i/y* некорневых морфем, передаваемый в записях деванагари графемой *y*, в гурмуки последовательно передается графемой *i* (исключения единичны). Орфографический (нефонетический) характер противопоставления подтверждается метрически: статистическим преобладанием неслоговой трактовки такого *i*; например, *bhaīā* <I48>⁴ "свершился" трактуется как содержащий не 4 метра (I+I+2), а 3 (I+2), подобно *bhaūā* в деванагари (D. 4I, п. I4, I9⁵; ср., напротив, *dēkhiō* <I54> "видел" и соответственно *dēkhiyā* (D.48.2) в деванагари, исчисляемое в 5 метра (2+I+2) *metri grātia*. Менее последовательно аналогичная замена *y* через *i* наблюдается в корневых морфемах (например, *māīā* "майя" вместо *māūā*, *kīā* "что?" вместо *kyā* и т.п.).

0.3.2. Суффикс синтетической формы страдательного залога (архантной) и формально совпадающего с ней опатива последовательно выражен в гурмуки графемой *ī*, метрически трактуемой в большинстве случаев в I метра (т.е. как *i/y*), например: *rāīāī* <23I> "приобретается" – 5 метра (2+I+2), как *rāīyāī* (D.p.I56).

0.3.3. Последний случай можно трактовать как частное проявление более широкой тенденции графически сохранять долготу конечных *ī*, *ū* основы перед гласным аффиксом (в деванагари обычно отражается фонетический переход *ī* → *i/y*, *ū* → *u/v*), например: *kīā* <62> "сделал", *jīāī* <76> "живет", *hūā* <I45> "стад", *mīā* <69> "умер" (метрически – *ki/y/ā*, *jīāī*, *hūā*, *mīā*, ср. *mhvā* (D.4I.6)).

0.4. Общее число двуступней, включаемых в "Адигрантх", в раздел "Шлоки Кабира", – 243, но девять из них имеют иную атрибуцию (шесть приписаны гуру Арджуну <209–2II, 2I4, 22I, 235> и по одному – гуру Амардасу <220>, Намдеву <24I> и Равидасу <242>). Останется 234 двуступни (468 строк), из которых и почерпнут описываемый ниже материал.

I.0. Прежде чем приступить к описанию и классификации глагольных форм, полезно определить понятия о с н о в н ы и а ф ф и к с а, которыми нам предстоит оперировать.

"Типпи" и "бинди" (надстрочные знаки гоморгенного носового и невализации гласного) передаются через *ā*.

⁴ В угловых скобках приводится порядковый номер "шлоки".

⁵ По изданию: "Kabir-granthāvalī", Sampādak Śyām Sundar Dās, Prayāg, 1928. (Обозначается – D.; первая цифра – номер тематического раздела, вторая – номер "сакхи"; п. – подстрочные примечания; р. – приложение.)

1.1. Для письменного языка за основу глагола удобно принять графически неизменяемую его часть⁶. Это морфема (или совокупность морфем), являющаяся носителем лексического значения глагола. В рассматриваемом тексте она самостоятельно (без аффиксов) не функционирует. Практически выделить ее легче всего путем отсечения аффикса $-i/ka\dot{a}$ от формы абсолютива, обладающей почти полной универсальностью образования (исключение – несколько глаголов из числа нерегулярных) и достаточно широкой употребительностью.

Среди основ различимы простые и производные. Будучи сходными по лексическому значению, простой и производный глаголы разнятся своей синтаксической валентностью, выступая в роли ядер предикативных структур – каждый своего типа. Друг с другом такие глаголы семантически соотносятся как переходный с переходным, переходный с каузативным, активный с пассивным.

1.1.1. Производная основе формально отличается от соответствующей производной большей графической (при образовании путем суффиксации) или только метрической (при внутреннем чередовании гласного) протяженностью. Поскольку интересует нас здесь только тип исхода основы, мы ограничимся рассмотрением первого случая,

⁶ Это определение неприменимо к некоторому (очень небольшому) числу глаголов, для которых приходится признать существование нескольких основ. Такие глаголы (назовем их *нерегулярными*) легко задаются списком. В нашем тексте это: *kaṛaṇā* "делать", *jāna* "идти", *dēna* "давать", *maṛaṇā* "умирать", *lēna* "брать" и вспомогательный глагол-связка *hōna* "быть". Наряду с основной общего типа они имеют специфическую основу причастия совершенного вида (соответственно: *kī-*, *ga-*, *dī-*, *mī-*, *lī-* и *hū-*). Нерегулярно образуется у них и пассивно-оптативная основа: *kījī-* (наряду с регулярной *kaṛī-*), *dījī-*, *lijī-*. Аномально могут быть образованы также повелительное наклонение и абсолютив от *lēna* (*lē*, *lāi*). Вспомогательный глагол *hōna* имеет две основы настоящего времени: *h-* (изъявительного наклонения) и *hō-* (ослагательного), присоединяющие одни и те же аффиксы (настояще-будущего времени). Функциональное противопоставление обеих основ (первая отмечена 22 раза, вторая – 30 раз) нечеткое. От основы *hō-* образованы формы будущего времени с первичными (один случай) и вторичными (5 случаев) аффиксами (см. о них 2.1.3 и 2.2). Формы причастия совершенного вида (претерита) образованы большей частью не от основы *hū-* (6 случаев), а от равнозначной ей супплетивной – *bha-* (26 случаев).

пренебрегая при этом разграничением первичных и вторичных производных, если они сходны по суффиксальному типу⁷.

В рассматриваемом тексте практически выделяются два типа производных основ: 1) переходно-каузативные, образованные суффиксом *-ā-*; 2) пассивные, образованные суффиксом *-ī-*⁸.

1.1.2. Непроизводные основы по своему исходу делятся на *с о г л а с н ы е* (подавляющее большинство, здесь их более 85%) и *г л а с н ы е*. По гласному исходу отмеченные основы распределились следующим образом: *-ā-* (16)⁹, *-ī-* (2), *-ō-* (7), *-ē-* (2).

1.2. А ф ф и к с о м считаем изменяемую часть глагола, т.е. любой член закрытого списка элементов (морфем), следующих по отдельности или в определенных сочетаниях за основой. Это служебные морфемы, носительницы грамматического значения.

1.2.1. Аффиксы в хинди и ряде других новых индоарийских языков разделяются на: 1) собственно глагольные, образующие только предикативные формы; среди них различимы первичные (присоединяемые непосредственно к основе) и вторичные (присоединяемые к первичному аффиксу); 2) глагольно-именные, образующие как непредикативные, так и некоторые предикативные формы.

1.2.2. Большинство аффиксов выступает в трех регулярных фонетических вариантах, определяемых типом основы. Им соответствуют графические варианты: 1) краткий (обозначим его символически *-M*), выступающий при [непроизводных] основах с гласным исходом; 2) средний, который начинается гласным *-a-* (вариант *-aM*) и выступает в первую очередь при основах с согласным исходом, но так-

⁷ Об иерархии глагольных типов по переходности-каузативности см.: Т.Я.Ел и з а р е н к о в а, Об асимметрии в системе каузативных глаголов в языке хинди, – сб. "Вопросы грамматики языка хинди", М., 1962.

⁸ С собственно пассивными формами (например, *kōnē bāiṭhē khāīāi paragaṭa hōi nidāna* <I7> "съедается в укромном уголке, [но это] в конце концов становится явным") смыкаются исторически восходящие к ним оптетивные (например, *saṅta kī gāiṭa na cho-āīāi māragi lāgā jāu* <I30> "не покидай пути святых, держись [истинной] дороги"; ср.: "пусть путь святых не покидается"), которые из словообразовательного типа переходят в словоизменительный. Отсутствие четких функциональных различий, допускающее в ряде случаев двойное истолкование форм, весьма затрудняет их дифференциацию. Соотношение тех и других в нашем тексте равно примерно 1:1 (всего отмечена 41 словоформа).

⁹ Цифра в круглых скобках здесь и ниже обозначает число отмеченных в тексте случаев.

же и при пассивных и некоторых непрямых с исходом на гласный; 3) протяженный, который начинается с -va- (вариант -vam) и сочетается с рядом основ, имеющих гласный исход, чаще всего с переходно-каузативными. Полной предсказуемости использования того или иного варианта нет. Сферы их применения (особенно первого и третьего) пересекаются; отмечены случаи варьирования.

За основной вариант примем средний, как статистически более частый.

1.2.3. Ряд аффиксов выступает помимо регулярных и в других вариантах, отличающихся сравнительно низкой частотностью. Назовем их нерегулярными.

2.0. В тексте выявлены 922¹⁰ глагольные¹¹ словоформы; из них 209 сочетаются в сложных (аналитических) глагольных образованиях (103 двучленных и одном трехчленном). Эти словоформы образованы от 232 глагольных основ, в числе которых 26 производных.

Рассмотрим распределение отмеченных словоформ по типу аффикса.

2.1. Первичные глагольные аффиксы.

2.1.1. Аффиксы форм настоящего времени изъявительного (и сослагательного?) наклонения.

(1) -au } (31) karau <81> "если сделаю", rahau <99> "ос-
-vau } танусь"; lakhāvau <234> "показываю", āvau
-u } <59> "вхожу"; khāu <99> "буду есть".

В большинстве отмеченных случаев (28) четко прослеживается значение I-го лица единственного числа (ср.: Varma, § 211; Kellogg, § 484); трактовка остальных вызывает сомнения.

Варианту -u омонимичен аффикс повелительного наклонения (66).

(2) -ahi } (49) karahi <127> "сделаешь", pujaḥi <135>
-vahi } "почитает (-ит?)", sevīahi <192> "читается"
-hi } ("читается"); dikhalāvahi <75> "выстав-
ляешь напоказ", hōvahi <10> "становятся",
pīvahi <54> "будешь пить"; jāhi <26> "вы-
ходят".

¹⁰ Точность подсчета может быть принята с допустимым отклонением в ± 1%, возникающим вследствие затруднений идентификации отдельных словоформ (в зависимости от истолкования текста они могут квалифицироваться либо как глагольные, либо как омонимичные им именные).

¹¹ К числу глагольных мы здесь относим и глагольно-именные (непредикативные) формы регулярного образования (см. 2.3).

Данная форма неоднозначна. В большинстве случаев выражает 2-е лицо единственного числа (*tūā bāṅga dēhi* <I84> "ты зываешь") или 3-е лицо множественного числа (*parabhātē tāre khisahī* <I7I> "на рассвете звезды гаснут"). Возможная трактовка этой формы как 3-го лица единственного числа (Kellogg, § 484; но Varma, § 2II) имеющимися примерами достаточно отчетливо не подтверждается. Отмечен случай употребления в значении I-го лица множественного числа (*ham... bada bada rūndhahi thāu* <64> "мы... занимаем много-много места").

Нерегулярные варианты:

-ahī, -hī (2) – обусловлен метрически: *setahī* <75> "помнишь" (ср. *setahi* <73>); *khāhī* <I34> "съедят" (ср. *khāhi* <I35>).

-asī (I): *lājasī* <I66> "будешь стыдиться" (ср.: Kellogg, § 538 f).

(3) $\left. \begin{array}{l} -āi \\ -vai \end{array} \right\} (237)$ *karāi* <I03> "сделает", *kaḥāi* <2I2> "говорит", *kaḥāi* <II0> "произносится", *piāi* <I8> "выпьет", *hāi* <78> "есть"; *āvāi* <I38> "придет", *jarāvāi* <I64> "учит твердить", *dēvāi* <84> "дал бы", *sovāi* <I27> "спит";

-i (38): *jāi* <I86> "уходит", *dukhu dēi* <I47> "беспокоит", *usāsa lēi* <I83> "дышит", *hōi* <I7> "станет".

Отчетливо преобладает значение 3-го лица единственного числа. В отдельных случаях возможна субъективная (не находящая формального подтверждения в окружении) трактовка формы как 2-го лица.

Нерегулярные варианты:

-aī (9) – метрически обусловлен (ср.: Kellogg, § 538a), чередуется с -āi, например: *kō hāi larikā bēsaī, larikī bēsaī kōi* <43> "Кто таков, что продаст сына? Кто продаст дочь?".

-ēi (I) (ср. параллельную форму I-го лица – Kellogg, § 538 b) – чередуется с -āi: *sājhā karāi kabīra siu, hari saṅgi banaju karēi* <43> "Завяжет дружбу с Кабиром, заведет дело с Хари".

-ē (9) – будучи омонимичен претеритальному (причастному) аффиксу множественного числа мужского рода /I4/, допускает двойное истолкование: *sakaī jau nisi bīchurāi, āi milāi parabhāti. jō nara bichurē rāma siu, nā dina milē na rā-*

ti <I25> "Чакви, когда расцветает ночью [с самим], встречается [с ним] на рассвете. Человек, который расстанется с Рамой, не встретит [его] ни днем, ни ночью".

- (4) -ahu } (4) marahu <218> "умираешь";
 -vahu } lāvahu <212> "несешь".

В грамматиках (Kellogg, § 484, 538; ср.: Varma, § 213; S.Singh, стр. 226) отмечена как форма 2-го лица множественного числа (сослагательного наклонения и императива). Здесь отчетливо выступает только значение лица, тогда как значение числа стерто: kāhē chīrahu chāilāī, gāma na lāvahu cīta <212> "Зачем [ты] набиваешь сито, [а] не обращаешь мысль к Раме?" (pluralis honorificus ?).

Критерии отграничения омонимичной формы повелительного наклонения (6г) не всегда четки.

- (5) -ñhi (3): jāñhi <34, 233> "идут", "пойдут", khāñhi <233> "едят".

Выражает 3-е лицо множественного числа (ср. -hiñ - Kellogg, § 484, 538).

Отмеченные словоформы дают возможность разместить аффиксы в следующей парадигме (нерегулярные варианты приводятся в круглых скобках, сомнительные - в квадратных):

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е	-au, -vau, -u	-ahi
2-е	-ahi, -vahi, -hi (-ahī, -hī; -asī) [-ahu, -vahu; -āī, -ī ?]	[-ahu, -vahu ?]
3-е	-āī, -vāī, -ī (-aī, -ēī, -ē) [-ahi, -hi ?]	-ahi, -vahi, -hi (-ahī, -hī) -ñhi

Сходная парадигма (без форм, отмеченных нами как сомнительные, но с большим числом вариантных) выводится и для "Адигрантх" в целом (S.Singh, стр. 213).

2.1.2. Аффиксы форм повелительного наклонения.

- (6) а) -i (19): kari <213> "делай", jōi <184> "ищи",
 lāi <173> "принеси", bōi <229> "посади".

Омонимичен краткому варианту аффикса 3-го лица настоящего будущего времени /3/ и аффиксу абсолютива /I7/.

- б) -u (20): kaṅu <243> "делай", kaṅu <191> "произноси",

bhaju <222> "чти", p̄ṭu <3> "пей", sunu <85>
"слушай(те?)".

Омонимичен краткому варианту аффикса I-го лица настоящего-будущего времени /I/.

в) -a (I): na khōla <23> "не открывай".
г) -ahu } mat baṅdhahu <II7> "не связывай";
-vahu } (8) gōvahu <I6> "плачь";
-hu } lēhu <27> "возьми".

Регулярными являются аффиксы -i и -u, взаимно распределяющиеся в тексте равномерно. Случай с -a сомнителен (возможна опечатка). Объективных оснований судить о наличии противопоставления по числу контекст не дает. Словоформы с -ahu (-vahu, -hu), квалифицируемые в грамматиках как аффикс множественного числа (Varma, § 215; Kellogg, § 542), могут все без исключения трактоваться как единственное число, не обнаруживая признаков pluralis honorificus (ср. стертость противопоставления по числу у омонимичных форм /4/ в изъявительном наклонении).

2.1.3. Аффикс форм будущего времени изъявительного наклонения.

(7) -ihai (II): kāḍhihai <I99> "откроет", kahihai <50, 72>
"назовет", nāu laihai <I43> "помянет",
parihai <98> "упадет", hōihai <99> "будет".

Передает значение 3-го лица единственного числа.

(7a) -[1]hahi (I): jālhahi <II7> "уйдешь (-ет?)", "исчезнешь (-ет?)".

Аффикс отмечен у Тулсидаос для 2-го и 3-го лица единственного и 2-го лица множественного числа будущего времени (Kellogg, тб. XX).

-asahi (I): na chūtasahi <49> "не освободишься".

Аффикс отмечен в "Адигрантх" (как присущий бреджу) для 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа будущего времени (S.Singh, стр. 256-257).

2.2. Вторичные глагольные аффиксы.

(8) -gō (9) } единственное число мужского рода;
-gā (6) }
(9) -gē (5) - множественное число мужского рода.

Сочетаются с аффиксами настоящего-будущего времени, сообщая глаголу значение будущего времени. Одновременно являются носителями значения числа (и рода). Отмеченные словоформы укладываются в следующую парадигму (все формы мужского рода):

Единственное число

2-е л.	-ahi-gō :	āṅbahigō <I67> "утонешь";
3-е л.	-āi-gō :	āi milāigō <225> "попадетя";
	-i-gō :	hōigō <I87> "будет";
	-i-gā :	jāigā <27, 28> "уйдет".

Множественное число

1-е л.	-ahi-gē :	ham... na karahigē <62> "мы... не делаем";
2-е л.	-hu-gē :	rac̣hutāhugē <4I> "пожалуете";
3-е л.	-hiñ-gē :	jāhiñgē chūti <4I> "отойдут".

2.3. Глагольно-именные аффиксы.

2.3.1. Аффиксы причестия несовершенного вида.

/IO/	а)	-ata } (18)	simarata <II2, I86> "поминая", jīvata <5> "заживо", rēkhata hī <I30> "едва увидев", pīsata pīsata <2I5> "по мере того, как мелется";
		-vata }	
		-ānta	(6): marānta ha <9I> "лишь умер", phalañta <229> "плодоносящее" ("чтобы плодоносило?");
		-atu,	-vatu (2): man ko bhāvatu <?I> "желанное сердцу".
	б)	-atā } (11)	maratā maratā <29> "умирая [друг за другом]", jaratā dekhikāi <36> "видя горящим", kahatā <87> "звал", sūtā <I27-I29> "спящий";
		-tā }	
		-āntā	(I): karañtā <I38> "дело" ("то, что надо сделать?");
		-āntau	(I): biāju baḥāntau jāi <208> "проценты неуклонно нарастают".

Варианты -ta и -tu соответствуют нормам браджа, причем словоформы с -ta в нашем тексте выступают преимущественно в адвербиальной функции ("абсолютно"), в том числе в повторах и в сочетании с эмфатической частицей hī и ее вариантами.

Аффикс -tā, согласно грамматикам (Varma, § 2I8) образующий в брадже регулярные формы условного наклонения и благодаря этому функционально противостоящий -ta, в нашем тексте четких примеров такого противопоставления не дает, а потому на имеющемся материале его приходится рассматривать как вариант первого (ср. -tā современного литературного хинди или панджабский -da). Вариант -tā употребляется наряду с адвербиальной также и в адъективной и предикативной функциях. В последнем случае значение

условности в имеющихся примерах сомнительно; легче усмотреть здесь причастно-бессвязочное прошедшее "обычное" время, рудименты которого прослеживаются и в современном литературном хинди: *sōī phirikāī tū bhaiā jākau kahatā auru* <87> "Претерпев превращение, ты стал тем самым, кого [всегда] называл другим".

Варианты с носовым (здесь передается через "типпи") - *aīta*, -*aītā*, -*aītau*, . - упомянутые Келлогом применительно к байовари (Kellogg, табл. XX), явных функциональных отличий от рассмотренных выше не имеют. Судя по "шлокам" с четкой метрической структурой, появление "типпи" обусловлено требованиями метра (ср. *karatā* <I38> - 4 метра, но *karāntā* <I38> - 5 метра).

Словоформы обоих основных типов (а и б) отмечены также в составе сложных глагольных сочетаний (см. ниже).

(II) -*atē* } (11) *rākhate* <98> "храня", *saupate* <203> "вру-
-*vatē* } чив"; *hama bajāvatē* <I03> "мы играли".

Аффикс двузначен - совмещает значения: а/ косвенного падежа единственного числа мужского рода и б/ множественного числа мужского рода (в обоих случаях соответствуя аффиксу прямого падежа единственного числа -*tā*). В отмеченных примерах в первом значении функционирует адвербиально, во втором - предикативно (ср. /I06/).

(I2) -*atī* (I): *calatī bār* <I44> "в час ухода [из жизни]";
-*antī* (I): *balantī* <I86> "горячая".

Аффикс [единственного числа] женского рода. Отмечен здесь только в атрибутивной функции.

Таким образом, наиболее характерными функциями причастных форм несовершенного вида в рассматриваемом тексте являются адвербиальная (более половины общего числа случаев) и атрибутивная. Случаи субстантивного, а также предикативного (самостоятельно, в значении прошедшего "обычного" времени) их употребления единичны.

Кроме того, отмечено шесть случаев сочетаний с предикативными формами другого глагола:

1) с *hōnā* (2) - аналитическая форма настоящего времени:
hōtu hāī <I69> "бывает", *kahatē hahi* <I99> "называют";

2) с *rahanā* (3) - так называемый длительный вид:
tarasata rahāī <I24> "[постоянно] мучится каждой", *nirakhata rahāī* <235> "[неотрывно] взирает", *dhañdha karatā rahi gaiā* <I06> "[всецело] предался делам";

3) с *jānā* (I) - так называемый длительно-прогрессивный вид:
biāju badhañtau jāī <208> "все нарастает процент".

2.3.2. Аффиксы причастия совершенного вида.

- (I3) а) $-i\bar{o}$ (53): $s\bar{e}ti\bar{o}$ <94> "подумал", $d\bar{e}khi\bar{o}$ <67> "увидел", $mi\bar{l}i\bar{o}$ <78> "встретил", $r\bar{a}i\bar{o}$ <170> "получил", $gai\bar{o}$ <85> "ушел", $\bar{a}i\bar{o}$ <215> "пришел", $kahi\bar{o}$ <32> "сказанное";
- $-o$ (6): $lag\bar{o}$ <55> "пристал"; $k\bar{i}o$ <96>, $k\bar{i}n\bar{o}$ <133> "сделал".
- б) $-i\bar{a}$ (49): $d\bar{e}khi\bar{a}$ <139> "увидел", $mi\bar{l}i\bar{a}$ <197> "встретил", $b\bar{u}d\bar{i}a$ <12> "погряз", $kh\bar{a}i\bar{a}$ <18> "съел", $gai\bar{a}$ <204> "ушел", $r\bar{a}i\bar{a}$ <175> "обрел"; $citavi\bar{a}$ <219> "желание", "желанное";
- $-y\bar{a}$ (2): $kh\bar{a}y\bar{a}$ <98> "съел", $\bar{a}y\bar{a}$ <115> "пришел";
- $-a$ (26): $rag\bar{a}$ <194> "лег", $lag\bar{a}$ <189> "последовал /за/", $k\bar{i}a$ <61> "сделал", $d\bar{i}a$ <227> "дел", $sh\bar{a}$ <6> "умер".

Аффикс $-i\bar{o}$ передает значение единственного числа мужского рода, а для случаев субстантивного и адъективного употребления формы – также и прямого падежа. Обращают на себя внимание два ряда словоформ с вариантами аффиксов $-/i/\bar{o}$ (характерен для браджа) и $-/i/\bar{a}$ (характерен для панджаби; ср. также литературный хинди). Как видно из приведенных примеров, обе типа находятся в свободном чередовании и равно употребительны. Варианты $-i\bar{o}$, $-i\bar{a}$ ($-y\bar{a}$ – графическая разновидность последнего) универсальны. Варианты $-o$, $-a$ сочетаются с иррегулярными основами (см. прим. 6)¹². Случаи их сочетания с основами на согласный (что обычно для литературного хинди) здесь единичны.

- (I4) $-e$ (51): $q\bar{u}b\bar{e}$ <35> "утонули", $rah\bar{e}$ <136> "остались", $k\bar{i}e$, $k\bar{i}n\bar{e}$ <232> "сделали", $ga\bar{e}$ <27> "ушли"; $ka\bar{h}\bar{e}$ <122> "сказав".

Аффикс $-e$ совмещает два значения: а) косвенного падежа единственного числа мужского рода (при субстантивно-адъективном и адвербиальном употреблении форм); б) множественного числа мужского рода (при субстантивно-адъективном и, главное, предикативном употреблении).

- (I5) $-i$ (33): $rag\bar{i}$ <181> "выпала", $bikhar\bar{i}$ <238> "рассыпанная", $\bar{a}i$ <8> "пришла", $l\bar{i}n\bar{i}$ <196> "приняла".

Аффикс $-i$ несет значение женского рода; при предикативном употреблении формы – также и единственного числа, однако противо-

поставление по этому признаку в рассматриваемом тексте стирается вследствие орфографической непоследовательности отражения назализации гласных.

(I6) -Iñ (2): tūṭi gaIñ <I03> "порвалиоз".

Аффикс множественного числа женского рода (в предикативных формах).

Основная функция причастных форм совершенного вида – предикативная (свыше 85% случаев употребления отмеченных словоформ). Они имеют значение прошедшего совершенного времени (пре-терита). Формы в парадигме противопоставлены по роду и числу, но не имеют противопоставления в лице.

Перечисленные формы (кроме последней – /I6/) отмечены также в субстантивном (tumarō kahiō na hōi <32> "сказанное тобой не свершится") и адъективном (dādhī lākari <90> "сгоревшее дерево") употреблении.

Форма на -ē /I4/ в ее первом значении несколько раз употреблена адвербиально (например: phala rākē bhui girahi <30> "плоды, созрев, падают на землю").

Отмечено также II случаев сочетания причастия совершенного вида с предикативными формами других глаголов:

1) с hōnā в форме hōi (I) – единственный пример можно толковать как аналитическую форму совершенного вида сослагательного наклонения: sādñū sañgu ragāratī likhiā hōi lilāṭa <231> "[Если] написано на челе обрести общество саду...";

2) с thā (2) – аналитическая форма предпрошедшего времени (плюсквамперфект): dūbā thā rai ubariō <67> "утонал, но спасся"; cālē thē hari milana kau, bīcāl aṭakiō cītu <96> "Шли обрести Хари, [но] среди [пути] застряла душа";

3) с rahanā (I) (ср. аналогичное сочетание с причастием несовершенного вида): bāṭhā rahu <I29> "сиди" (букв. "оставайся сидящим");

4) с jānā (6) – потенциальная конструкция (=аналитической конструкции страдательного залога): ōhu nahī sahiā jāi <78> "его (ее) не стерпеть"; aba kiā kāḍhiā jāi ? <I32> "Что теперь может быть вытеснено?".

2.3.3. Аффиксы абсолютива (деепричастия).

(I7) -i (I07): kari <I99> "применив", gari <I77> "рас-
таяв", dēkhi <38> "видя".

I2 Для karanā и lēnā помимо названных выше (ki-, li-) отмечены специфические формы основы, известные в брадже (ср. Varma, § 219): kiñ- (5) и liñ- (2).

(18) **-i-kāī** (22): *chādīkāī* <106> "оставив", *rāīkāī* <23> "обретя", *hōīkāī* <5> "став".

Нерегулярную форму абсолютива имеют глаголы *lēnā* "брать" (*lē* <135>, *lāī* <10> "взяв", ср. *lēkāī* <162>) и *rīnā* "пить" (*rī* <170>).

Единственная функция абсолютива с **-i-kāī** – адвербиальная. Она же основная для абсолютива с **-i** в самостоятельном употреблении (в том числе и при повторах: *shisī shisī* <20> "обокрав [дочиста]"). Отмечен случай функционального перехода абсолютива в послелог: *sabha tē hama burē*, *hama taji bhalō sabhu kōī* <7> "Я хуже всех; кроме (букв. оставив) меня, всяк хорош".

Однако чаще всего (в 74 случаях) абсолютив на **-i** сочетается с предикативными формами других глаголов. Опираясь на принятую для современного хинди классификацию, здесь можно выделить следующие типы сочетаний:

1) с *rahanā* (12) – дуративные: *rahiō... kūkī* <84> "не перестал взывать"; *ravi rahē* <46> "взялся твердить"; *nīcē lōīn kari rahau* <234> "держу взор опущенным"; *hōī rahu* <146> "пребудь";

2) с *sakanā* (3) – потенциальные: *mēṭi na sākāī kōī* <32> "никто не сможет стереть"; *nā kari sakāī* <62> "не сможет сделать";

3) с прочими глаголами, сводимые в группу сложноинтенсивных. В зависимости от образующего глагола эти сочетания классифицируются следующим образом:

<i>ānā</i>	(2):	<i>lē āyā</i> <115>	"принес";
<i>ghālanā</i>	(1):	<i>kari ghāliā</i> <65>	"обратил";
<i>calanā</i>	(1):	<i>calē ūthi</i> <205>	"ушли";
<i>jānā</i>	(25):	<i>chūṭi jahīngē</i> <41>	"отлетят", <i>pari gaī</i> <195> "уцала", <i>shari gaīō</i> <226> "умер";
		<i>mili gaīā</i> <157>	"соединился";
<i>dēnā</i>	(5):	<i>dēi jarāi</i> <83>	"сожжет";
<i>dharanā</i>	(1):	<i>lē dharahi</i> <166>	"понесут";
<i>nikasanā</i>	(1):	<i>nikasiō āi</i> <114>	"вышел";
<i>paranā</i>	(6):	<i>utari pariō</i> <67>	"[внезапно] сошел",
		<i>giri pariā</i> <194>	"пал";
<i>rahūncanā</i>	(3):	<i>rahūncō āi</i> <208>	"нагрязнул";
<i>sharanā</i>	(2):	<i>rasi mā</i> <237>	"изведся";
<i>milanā</i>	(4):	<i>na milahāi āi</i> <80>	"не достанется";
<i>rākhanā</i>	(1):	<i>rākhē... durāi</i> <105>	"сокрыли";
<i>lēnā</i>	(7):	<i>lūṭi lāi</i> <41>	"ограбь", <i>līē chaḍāi</i> <207>
			"вызволит" (plur. hon.).

Обращает на себя внимание частая инверсия членов сочетания (в одной трети случаев образующий глагол стоит на первом месте), причем возможно дистантное расположение компонентов.

2.3.4. Аффиксы инфинитива.

- (19) $-anā$ (5): $lūtānā$ <41> "грабить";
 $-anā$ (1): $lētānā$ <38> "лечь";
 $-anu$, $-vanu$ (3): $likhanu$ <81> "писать", $sōvanu$ <128>
 "уснуть".

Вырезают прямой падеж инфинитива (герундив?). Вариант $-anā$ характерен для панджаби, вариант $-anu$ – для непали. Отмеченные формы употребляются самостоятельно в субстантивном значении, а также выступают в глагольных сочетаниях:

1) с $hōnā$ (3) – в значении долженствования: $bahuri$ na $ma-$
 $ganā$ $hōi$ <29> "снова умирать не придется"; ika $dina$ $sōvanu$
 $hōigō$ <128> "однажды придется уснуть";

2) с $jānā$ (1) – в значении возможности действия: $hari$ $ja-$
 su $likhanu$ na $jāi$ <81> "величие Хари не описать".

- (20) $-anē$, $-nē$ (8): $maranē$ $tē$ <22> "смерти", $bhulanē$ <92>
 "обманывать";
 $-ana$ (5): $kahana$ $mahi$ <190> "в произнесении",
 $milana$ kau <96> "[чтобы] встретиться".

Выражают косвенный падеж инфинитива. Словоформы употребляются преимущественно субстантивно (как с послелогами, так и без них): $maranē$ $tē$ $kiā$ $ḍagarānā?$ <71> "Что страшиться смерти?".

В сочетании с глаголом $lāganā$ обозначают начало действия (I): $pākana$ $lāgē$ $ānb$ <134> "начали зреть [плоды] манго".

(21) $-ibō$ (I): $paḥibō$ <45> "чтение".

(22) $-ibē$ (3): $kahibē$ $mahi$ <191> "в произнесении".

Формы прямого /21/ и косвенного /22/ падежей инфинитива (имени действия) выполняют субстантивную функцию. Косвенный падеж во всех отмеченных случаях употреблен с послелогом.

2.3.5. Аффиксы имени деятеля /причастия долженствования.

- (23) $-anahāru$, $-nahāru$ (5): $sirajanahāru$ <2, 133> "творец";
 $hōnahāru$ <99> "чему надлежит быть";
 $-anēhāru$ (I): $hasanēhāru$ <2> "насмешник";
 $-vanahāra$ (I): $bajāvanahāra$ <103> "музыкант".

(24) $-anahārē$ (I): $banajanahārē$ $bāharā$ <154> "без торговца".

Это – формы прямого /23/ и косвенного /24/ падежей имени деятеля и омонимичного ему причастия долженствования (см.: $hōnahā-$
 ru $sō$ $hōi$ <99> "чему надлежит быть, то будет"). Отмечены только в субстантивном употреблении.

3.1. На основании изложенного строение глагольной системы, обнаруживаемой в "шлоках" Кабира, может быть в общих чертах представлено следующим образом.

I. Непредикативные формы.

- 1) Инфинитив с -п- (22).
- 2) Инфинитив с -б- (имя действия) (4).
- 3) Имя деятеля (8).
- 4) Причастие несовершенного вида (38).
- 5) Причастие совершенного вида (35).
- 6) Абсолютив на -i (33)^{I3} и на -i-kaī (22).

II. Предикативные формы.

A. Синтетические с глагольными аффиксами.

- 1) Настояще-будущее время изъявительного (омонично сослагательному?) наклонения (364).
- 2) Будущее время^{I4}:
 - a) с первичными аффиксами (13);
 - б) со вторичными аффиксами (20).
- 3) Повелительное наклонение (48).
- 3в) Оптативные формы (развившиеся на базе словообразовательного типа пассивной основы – см. прим. 8) (ок. 20).

B. Синтетические причастной этимологии.

- 4) Прошедшее "обычное" (= причастию несовершенного вида) (8?)
- 5) Прошедшее "общее" (= причастию совершенного вида) (177).

B. Аналитические (причастия с вспомогательным глаголом hōpā).

- 6) Настоящее "обычное" (причастие несовершенного вида + hāī) (2).
- 7) Прошедшее несовершенное (форма настоящего-будущего времени + thā – тип в современном хинди неупотребительный: hau jāi thā <I97> "я шел") (1).
- 8) Преждепрошедшее (причастие совершенного вида + thā) (2)

^{I3} Вне сложных глагольных сочетаний.

^{I4} Наклонение везде, где специально не названо, изъявительное.

9) Форма совершенного вида сослагательного наклонения (?) (причастие совершенного вида + hōī) (I).

Далее следует ряд аналитических конструкций с другими вспомогательными глаголами (см. 2.3.1 – 2.3.4), выражающих способы или этапы протекания действия, его возможность или желательность. Сюда же входит и аналитическая конструкция страдательного залога. Все эти конструкции, обладающие различной степенью грамматикализации, имеют параллели в современном литературном хинди.

3.2. Выводимая отсюда система словоизменительных категорий глагола в целом та же, которая присуща современному хинди, но объем противопоставлений и четкость их манифестации внутри отдельных категорий здесь несколько отличаются (в части, касающейся сужения круга граммем, это может быть обусловлено узостью использованного материала).

3.2.1. Категория наклонения манифестируется практически одним противопоставлением императива неимперативу (выделение сослагательного наклонения здесь может опираться лишь на весьма нечеткое функциональное противопоставление двух типов форм глагола-связки: haī и hōī).

3.2.2. Система видо-временных противопоставлений выступает в менее законченном и четком виде. Малое распространение форм, восходящих к причастию несовершенного вида, позволяет говорить лишь о зачатках видовых противопоставлений. Функциональная широта форм настоящего времени (наряду с их высокой употребительностью) оттесняет временно́е противопоставление "настоящее~будущее" на второй план по сравнению с господствующим противопоставлением "прошедшее ~ непроедшее".

3.2.3. Противопоставление граммем единственного ~ множественного числа последовательно манифестируется: а) причастными по своей этимологии формами и б) формами со вторичным аффиксом. В сфере форм с первичными глагольными аффиксами оно в значительной мере стерто (по-видимому, прежде всего за счет орфографии оригинала).

3.2.4. Нейтрализация противопоставления 2-го и 3-го лица единственного числа, обычная в сфере форм с первичными аффиксами для современного литературного хинди, носит здесь зачаточный характер, проявляясь в единичных (и субъективно толкуемых?) примерах вариантного чередования аффиксов¹⁵. 1-е лицо единственного

¹⁵ Проявление противопоставления 2-го и 3-го лица в единственном числе в данном тексте может быть обусловлено редакторской деятельностью составителей и переписчиков "Адигрантх" (ср. соответствующую норму у S.Singh, стр.213, 216-219, 224-226).

числа четко противостоит двум другим. Ограниченность имеющегося материала заставляет воздержаться от определенных суждений относительно характера противопоставления по лицу в сфере множественного числа.

3.2.5. Категория рода (мужской ~ женский) присуща причастиям несовершенного и совершенного вида как в непредикативной, так и в предикативной их функциях.

3.2.6. Категорией падежа (прямой ~ косвенный) обладают инфинитивы, имена деятеля и причастия (в непредикативной функции).

3.3. Грамматический алломорфизм, вызванный как фонологически обусловленным, так и свободным чередованием аффиксов и их вариантов (см. особенно /2/ – /4/, /6/, /10/, /13/, /19/, /20/), не достигает такого уровня, чтобы скрывать существо системных отношений.

Обратные случаи – омоимии аффиксов (ср.: –и /1/ и /6/; –1 /3/, /6/ и /17/; –ē /3/ и /14/; –ahu /4/ и /16/; ср. также многозначность аффиксов /2/ и /3/) – интересны с точки зрения дистрибуции. Сопоставляя типы основ, с которыми сочетаются омоимичные аффиксы, мы (по крайней мере для двух первых случаев, наиболее частых) можем говорить о пересечении или включении сфер, но никак не об их совпадении.

Можно допустить, что относительная свобода выбора одного из варьирующихся аффиксов используется здесь как путь к преодолению омоимии (ср., например: *lāvāi* <20> "несет", но *lāi* <173> "неси"; *lāi* <79> "возьмет", но *lēhu* <27>, *lāi* <47> "возьми" и *lē* <135>, *lāi* <10> "взяв"). Однако на имеющемся материале в силу его ограниченности трудно судить о степени сознательности подобного выбора.

4.0. В целом система глагольного словоизменения в "шдоках" Кабира может рассматриваться как исходное состояние той, которая развилась в современном хинди. В части непредикативных форм и сложных глагольных конструкций принципиальных отличий между ними не наблюдается. Что же касается предикативных форм (т.е. спряжения в узком смысле), то здесь систему Кабира отличает тяготение к "синтетизму" (ср. 3.1), которое выражается, во-первых, в сравнительном избытке и высокой употребительности форм с первичными глагольными аффиксами. Впоследствии одни из таких форм просто унифицировались (императив), у других эта унификация сопровождалась переосмыслением (настояще-будущее время изъявительного наклонения стало функционировать как сослагательное), повлекшим за собой сужение сферы употребления, третьи исчезли (будущее с –ih-). Во-вторых, это проявляется также в немногочисленности и крайне низкой употребительности отпричастных аналитических форм с вспомо-

гательным глаголом $h\bar{o}n\bar{a}$, впоследствии занявших в глагольной системе хинди центральное место.

После завершения данной статьи нам представилась возможность благодаря любезности Н.Б.Гафуровой ознакомиться с недавно вышедшим описанием грамматического строя языка Кабире ($M\bar{a}t\bar{a}b\bar{a}d\bar{a}l\ J\bar{a}y\bar{a}sv\bar{a}l$, $Kab\bar{i}r\ k\bar{i} bh\bar{a}s\bar{a}$, $Pl\bar{a}h\bar{a}b\bar{a}d$, 1965). Данные этого описания в основном подтверждают правомерность выведенных здесь заключений и не требуют внесения в них существенных корректив. Поскольку же названная работа опирается на иной исходный материал – критическое издание сборника типа "Грантхавали" ($R\bar{a}g\bar{a}sv\bar{a}t\bar{h} T\bar{i}v\bar{a}r\bar{i}$, $Kab\bar{i}r-granth\bar{a}val\bar{i}$, $Pra\bar{y}\bar{a}g$, 1961), где наша отрезня (значительной частью лишь в разночтениях) всего одна треть рассматриваемых нами двуступней (83 из 234), мы рассчитываем уделить ей подобающее внимание в следующей нашей статье, где предполагается осветить глагольную систему двуступней из "Кабир-грантхавали".

G.A.Zograf

VERBAL SYSTEM IN KABIR'S "SALOKA"

An attempt is made to reproduce adequately the system of verb forms as represented in a limited Medieval Hindi text and to work out some principles of its grammatical description. The text chosen (*ādigrantha, Salōka bhagata Kabīra jīu kē*), compiled in the 15th century, was fixed in Gurmukhi script (Punjab, 1604 A.D.) and bears evident traces of specific Punjabi orthographical rules. Some variant forms depend on the requirements of metrics. The text consists of 243 verses (*dohā*) and contains 922 words qualified as verbal forms.

The system derived is as follows (the ciphers in parentheses show frequency of forms). Non-finite forms include: 1/ Infinitive with -n- (22); 2/ Infinitive with -b- (4); 3/ Noun of Agency (8); 4/ Imperfect Participle (used adjectively and adverbially) (38); 5/ Perfect Participle (used substantively, adjectively and adverbially) (35); 6/ Conjunctive Participle in -i (33) and -i-ka¹ (22). Finite forms are represented mostly by those formed directly from the root or coinciding with participles. To the first group belong: 1/ Simple Present Indicative (corresponds to modern Contingent Future) (364); for the inventory of its personal affixes see the table at the end of § 2.1.1 (irregular variants are given in parentheses, doubtful in meaning - in square brackets);

2/ Absolute Future of two types: archaic (eastern) one with -ih- (13), and modern (western) one with -gā/-gō (20); 3/ Imperative in -i, -u-, -a (?), -hu (48); 4/ Optative (coincides with synthetic Simple Present Passive form) (20). The second group includes: 5/ Habitual Past (form equal to Imperfect Participle) (8); and 6/ Preterite (form equal to Perfect Participle) (177). There are only six instances of analytical tenses widely spread in Modern Hindi: 7/ Present Imperfect, consisting of Imperfect Participle with auxiliary hāī (2); 8/ the now uncommon form of Past Imperfect, consisting of Simple Present form with auxiliary thā (1); 9/ Past Perfect, consisting of Perfect Participle with thā (2), and 10/ Present Perfect (Subjunctive?), consisting of Perfect Participle with auxiliary hoi (1). Besides we find some compound forms with other auxiliaries, mostly of the same type as in Modern Hindi, viz.: Continuative (3), Progressive (1), Durative (12), Potential (3), Intensive (59), analytic Passive, mainly in the sense of Impersonal Negative (6), and some others.

Because of a scarcity of material this picture is incomplete, but it gives an idea of the general structure of Medieval Hindi verb, showing systemic relations of its forms and categories.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
В.С.Воробьев-Десятовский (3.Х.1927 – 2.УП.1956)	3
Библиография трудов В.С.Воробьева-Десятовского.	8
Г.М.Бонгард-Левин, Э.Н.Темкин. Работы В.С.Воробьева-Десятовского и исследование буддийских текстов из коллекции Н.Ф.Петровского	12
В.Н.Топоров. О брахмане. К истокам концепции.	20
Вяч.В.Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от <i>avā-</i> "конь"	75
Я.В.Васильков. Происхождение сюжета Кайратапарвы.	139
В.Д.Мазо. Из истории изучения языка пали в Бирме.	159
Т.Я.Елизаренкова. Дистрибуция фонем в пределах корня в "Ригведе"	173
Н.Г.Краснодембская. О тенденциях исторического развития сингальского глагола.	185
Г.А.Зюграф. Глагольная система в "шлоках" Кабира.	192
А.С.Бархударов. Новосанскритизмы современного хинди	211
Н.В.Гуров. Сложноподчиненные предложения в языке хинди.	225
Б.А.Захарьин. Формирование и дистрибуция причастных форм в кашмири	238
Список сокращений	253
Summaries	255

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ИНДИИ

Сборник статей памяти В.С.Воробьева-Десятовского

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы Л.М.Белоусов, Е.К.Борисова, Н.Г.Михайлова
Художник А.Г.Кобрия, Художественный редактор Э.Л.Зрмая,
Технический редактор Т.А.Сударева, Корректор Г.С.Горюнова

Сдано в набор 3/1-1972 г. Подписано к печати 14/XI-1973 г.
А-06948. Формат 70x108 1/16. Бум. офс. Печ.л. 16,75+0,125 п.л. вклеек
Усл.п.л. 23,62. Уч.-изд.л. 16,83. Тираж 1500 экз. Изд. № 2635
Зак. № 588. Цена 1 р. 81 к.

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Оффсетное производство типографии № 3 издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2